

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20190212
УДК 94 (571.1)"1850/1917"

М.К. ЧУРКИН

ИНСТИТУТ ИМПЕРСКИХ ЭКСПЕРТОВ В КОЛОНИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СТЕПНОГО КРАЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.): ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ

Омский государственный педагогический университет,
РФ, 644007, г. Омск, ул. Яковлева, 166, кв. 73

Статья посвящена характеристике деятельности института имперских экспертов в плане колонизации Западной Сибири и Степного края. Включение экспертов – путешественников-экспедиционеров, чиновников регионального масштаба – в экспедиционную работу способствовало накоплению и тиражированию материалов о природных условиях, экономике, а также уточнению этнографической карты сибирских и степных территорий. Вместе с тем, экспедиционная и издательская работа имперских экспертов в ранний период колонизации под эгидой ЗСО ИРГО не отвечала масштабам и содержанию задач империостроительства на окраинах. В 1880–1890-е гг., с ростом аграрных миграций и усилением политики «русского дела» институт имперских экспертов был реорганизован и переориентирован на выполнение исключительно имперских задач. Включаясь в общеимперский план колонизации, с присущими ему принципами доминирования и принуждения в отношении Западной Сибири и Степного края, эксперты получали неограниченный кредит доверия со стороны правительства и финансовую поддержку.

Ключевые слова: колонизация, имперские эксперты, ориентализм, общественно-политический дискурс, государственная политика.

M. K. CHURKIN

THE INSTITUTION OF IMPERIAL EXPERTS IN THE COLONIZATION OF WEST SIBERIA AND THE STEPPE KRAI (THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES): FACTORS OF FORMATION AND EVOLUTION

Omsk State Pedagogical University,
73, 166Yakovleva Str., Omsk, 644007, Russian Federation

The issue of colonization tasks in the context of imperial building became an important element of the public discourse and state policy in the second half of the XIX – early XX centuries with growing migration movement to the eastern outskirts. Under conditions of peasantry mass migrations to West Siberia and steppe region (Steppe Krai), activity to define the colonization potential of settlement areas and to assess the capacities of resettlement territories for immigrants came to the fore. Solving current tasks and creating projects for “internal” colonization, the imperial authorities pursued ideological goals trying to put into practice certain elements of the “Russian cause” policy that were not implemented on the empire’s western

Михаил Константинович Чуркин – д-р ист. наук, профессор, Омский государственный педагогический университет, e-mail: proffchurkin@yandex.ru.

Mikhail K. Churkin – Doctor of Historical Sciences, Professor of Omsk State Pedagogical University.

outskirts. Mass relocations made it possible to implement a nationally conservative plan to create a "big Russian nation". Special functions in this program belonged to the institution of imperial experts, which was the main conductor of imperial ideas in the eastern regions. The peak of migration movement to the region chronologically coincided with the approval of the governance principles of the country's eastern outskirts, the meaning of which was to establish the empire's special powers in russification; it gave chances to overcome the cultural distance between Russia and West Europe. Two periods can be traced in the imperial experts' activities. Initially, the organizer of the expert activity was the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographic Society (ZSOIRGO). However, along with intensifying peasant migration and reanimating nationally conservative ideas, as well as emerging institutions, which claimed the colonial ministries status, the need to re-format the institution of imperial experts appeared. In the 1890s new criteria defining the content of this group of persons were approved, which included strict adherence to instructions of sending institutions, servility, mobility and desire to correlate results of their expeditionary activities with the current state tasks of colonization.

Key words: colonization, imperial experts, orientalism, social political discourse, state policy.

Вопрос о колонизации восточных окраин России во второй половине XIX – начале XX в. был тесным образом связан со стратегическими задачами империостроительства. По замечанию М. Раева, еще после смерти Петра «русское общество так и не осознало, что государство превратилось в многонациональную империю» (цит. по: [1, с. 270]). Толчком к пробуждению национального имперского сознания стала широко растиражированная в философском и общественно-политическом дискурсе Западной Европы полемика о цивилизованных и нецивилизованных народах. В продолжении XIX столетия европейскими мыслителями, попавшими под влияние идей дарвинизма, были выработаны общие теоретические положения, в основе которых находился тезис о европейской культуре как магистральном, единственно возможном пути цивилизации с последовательным привлечением к нему «нецивилизованных» народов, к числу которых выдающиеся деятели западной науки относили и славянство [2].

С середины XIX в. общественное мнение России вступает в рефлексивную стадию, в системе координат которой отечественные философы, социологи, этнографы, историки пытаются не столько найти ответ на вопрос о причинах исключения России из общеевропейской семьи, сколько обосновать правомочность собственного, «доморощенного» варианта российского империализма, обеспечивающего инкорпорированность России в европейский культурный контекст. Как бы полемизируя с Ф. Энгельсом, утверждавшим, что со времен Карла Великого немцы с величайшей настойчивостью и постоянством направляли свои усилия на то, чтобы завоевать, колонизовать, цивилизовать восток Европы [3, с. 355], представители российской власти и общества заявляли о существовании своего «востока», который по европейским лекалам становился предметом завоевания и колонизации.

В связи с этим для русских востоковедов, обративших свои взоры к восточным окраинам империи, ключевым становился вопрос об оправдании и обосновании необходимости экспансии, ответ на который они находили в свойственных европейской теории представлениях о колонизованных народах как о «других», чуждых Европе.

Актуализация этих теоретических построений, вылившихся в формирование российского варианта строительства империи, произошла во второй половине XIX в., когда освобождение крестьян

и аграрно-экологические проблемы в центре страны инициировали массовое переселенческое движение в губернии и области Западной Сибири и Степного края. Недолго бытовавшее в среде русской интеллигенции убеждение в том, что распространение среди русского крестьянства научного мировоззрения станет спасением от всех несправедливостей общественного строя, сменилось новым подходом, раскрывавшим сущность природы российской модели «внутренней колонизации», в рамках которой принципы доминирования и принуждения распространяются как на коренные группы населения, так и собственно русский народ, который являлся не только главным субъектом колонизации, но и ее объектом. В российском общественно-политическом дискурсе утверждается мысль, вполне совпадающая с выводами европейских мыслителей о необходимости «открыть» народам Востока их собственное прошлое. В.В. Бартольд в 1900 г. писал: «Восточные народы вернее всего поверят в превосходство нашей культуры, когда убедятся в том, что мы знаем их лучше, чем они сами себя знают...» (цит. по: [1, с.273]). Одной из характерных черт сознания российских востоковедов, и главным образом национал-консервативного их сегмента, являлось твердое убеждение в существовании тесной связи между понятиями «национальное» и «имперское» строительство. По мнению таких выдающихся исследователей восточных окраин империи, как М.И. Венюков, В.В. Григорьев, А.Е. Снесарев, для эффективного управления народами, принадлежавшими к иной культурной сфере, необходимо ясное осознание собственной национальной принадлежности.

В 1860-х гг. на фоне политических коллизий в западной части Российской империи была проделана масштабная работа, направленная на укрепление русской национальной идентичности, благодаря «охранительным» изданиям М.Н. Каткова («Русский вестник», «Московские ведомости»). По заявлению главного идеолога национал-консерваторов, озвученному в передовой статье «Московских ведомостей», политические и вообще национальные интересы русского народа требуют, чтобы все люди империи равно чувствовали себя русскими, а для этого нужно не переселение крестьян из одних губерний в другие, а общая неуклонно-национальная политика русского правительства [4, с. 470].

Таким образом, к 1870-м гг. во властных сферах в основном были озвучены приоритетные принципы

«оцентрирования» восточных окраин страны, в этих принципах нашли отражение ключевые задачи империостроительства. Они заключались, с одной стороны, в фиксации естественного права колонизаторов рассказывать населению этих территорий о них самих, а с другой – имперские власти позиционировали политику русификации на окраинах как цивилизующую миссию, что до некоторой степени давало возможность преодолеть культурную дистанцию между Россией и западноевропейским миром.

В реализации глобального проекта колонизации на восточных окраинах знаковая роль предназначалась имперским экспертам, деятельность которых разворачивалась на фоне смены вектора колонизации Западной Сибири и Степного края, что выразилось в постепенном отказе от признания главенства военно-политических задач в пользу обсуждения аграрных перспектив региона. Заметим, что категория «имперский эксперт» в современной историографии и специальной литературе, сосредоточенной на вопросах колонизации, трактуется максимально широко. К числу имперских экспертов можно отнести и путешественников-экспедиционеров, представлявших различные общества, и чиновников регионального масштаба разного уровня. Другими словами, речь идет о всех тех, кто так или иначе включался в колонизационный процесс, участвуя в репрезентации представлений об отдаленных территориях восточных окраин.

В рамках данной статьи имперские эксперты – это широкий круг лиц, вовлеченных центральной или региональной властью в колонизационное дело – представители общественных организаций, научного сообщества, чиновничества. Задачи исследовательского проекта, таким образом, заключаются в характеристике деятельности института имперских экспертов, а также в анализе его эволюции в процессе колонизации Западной Сибири и Степного края во второй половине XIX – начале XX в.

В стартовый период формирования института имперских экспертов их деятельность была тесным образом связана с практической экспедиционной и научно-исследовательской работой учрежденного в 1877 г. (г. Омск) Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. «Политика населения» [5, с. 30], утвердившаяся в качестве приоритетного метода в имперских практиках России, предполагала активное вмешательство властных структур в колонизационный процесс и его составляющие, что означало осознание имперской бюрократией необходимости «научного завоевания» перспективных в аграрно-земледельческом отношении территорий. Организованные ЗСО ИРГО экспедиции проводились выдающимися учеными под контролем или при финансовой поддержке центральной (региональной, местной) администрации и были призваны выявить экономический потенциал региона, определить основные траектории его хозяйственного освоения, наметить перспективы земледельческой колонизации, уточнить стратегии управленческой деятельности в от-

ношении коренного населения и локальных групп принимающего общества.

Имперский ракурс исследований Западной Сибири и Степного края обозначился уже к концу 1870-х – началу 1880-х гг., когда в экспедиционную и научную деятельность ЗСО ИРГО включились не только общественно-политические деятели и ученые, но и представители военного сословия, а также чиновничество. Известно, что один из основателей отдела, лидер сибирского областничества Н.М. Ядринцев, первоначально критиковавший ЗСО ИРГО за преобладание в нем военно-чиновничьего контингента, сам впоследствии неоднократно выполнял поручения губернской администрации, выступая в качестве правительственного чиновника. Именно Н.М. Ядринцевым на общем собрании отдела 25 октября 1877 г. была сформулирована задача ЗСО ИРГО о необходимости разработать широкую программу этнографических исследований в Западной Сибири и Степном крае [6, с. 2]. В дальнейшем практика такого «совмещения» получила широкое распространение в экспедиционных мероприятиях И.Я. Словцова, Н.Н. Балакшина, Н.К. Хондажевского, Н.П. Григоровского и других, благодаря чему изыскания в области этнографии, ботаники, почвоведения, климата, обустройства переселенцев, хозяйственной жизни казачества и «иностранцев» края, состояния торговых путей признавались в равной степени существенными и поручались людям, которые, по мнению властей, выполняли важное имперское поручение.

Стартовый этап экспедиционной и научно-академической работы ЗСО ИРГО практически совпал по времени с процессом формирования широкой правительственной программы земледельческой колонизации Сибири. Известно, что с конца 1870-х – начала 1880-х гг., когда относительное аграрное перенаселение и крестьянское малоземелье, усиленные в качестве фона аграрно-экологическим кризисом, приняли реальные очертания, выразившись в резком росте вольнонародных миграций за Урал, государство принимает ряд практических мер, направленных на придание хаотическому народному движению форм колонизационного освоения. Очевидно, что ориентация центральной власти в решении переселенческого вопроса исключительно на нормативно-правовое регулирование миграций, или ставка на «голое» администрирование в регуляции крестьянских переселений, без учета общественных настроений вряд ли могла поспособствовать выработке четкого плана действий по организации хозяйственной и социокультурной инкорпорации Сибири в состав Российского государства.

В исследуемый хронологический период постепенно складываются объективные предпосылки для совместной деятельности власти и общества в колонизационном вопросе.

Существенное значение имело то, что изначально отдел был ориентирован на тесное сотрудничество с имперскими властями, и этот факт инициировал детальное исследование естественно-географических условий восточных окраин страны, в том числе в кон-

тексте земледельческого освоения. В период с 1878 по 1887 г. обществом было организовано в общей сложности 36 крупных экспедиций (Ю.А. Шмидт, П.В. Путилов, Н.Н. Балакшин, Г.Г. Анзимиров и др.), в число задач которых входило изучение территории Западной Сибири и Степного края в природно-географическом, этнографическом и земледельческом отношении (подсчитано автором по: [7]). Активная деятельность ученых-экспедиционистов позволила развеять многие мифы о бескрайности территорий, пригодных для земледельческой обработки, и, как следствие, неограниченных возможностях по расселению в регионе мигрантов.

Однако уже с 1888 по 1897 г. наметилась отчетливая тенденция к снижению экспедиционной активности отдела. В указанный период на заседаниях ЗСО ИРГО регулярно обсуждалась проблема разукрупнения экспедиций и объема издаваемых трудов по их результатам. Некоторые члены общества обращали внимание на неудобства установившейся практики «экспедиций и поездок с учеными целями, сопряженной с выдачей крупных сумм вперед и с продолжительным ожиданием результатов обработки собранного» [7, с. 20]. Вносились также предложения о сокращении числа отдаленных, дорогостоящих, крупных экспедиций и поощрении местных исследователей, «сжившихся с данной местностью, могущих ознакомиться с ней научно, в пределах известной специальности» [7, с. 21].

Практически в рассматриваемый период ЗСО ИРГО организовало 22 экспедиции, 8 из которых направлялись в относительно близлежащие районы Степного края. Безусловно, сокращение объемов экспертно-экспедиционной работы отчасти объяснялось причинами объективного свойства: смертью крупных и энергичных экспертов (Н.Н. Балакшин, Ф.Н. Усов); отъездом из Сибири знаковых деятелей общества (М.В. Певцов, М.А. Шестаков, И.Ф. Бабков). В результате сложившегося положения поездки членов ЗСО ИРГО осуществлялись в служебном порядке и без серьезной материальной поддержки.

Вместе с тем объяснения финансового и кадрового характера не исчерпывают, по всей вероятности, всего существа проблемы. По нашему убеждению, корневой причиной «блокирования» имперской властью достойного финансового обеспечения и снижения моральной поддержки ЗСО ИРГО стало неоднозначное соответствие выводов экспертов ожиданиям колониальной администрации. Фундаментальные расхождения национал-консерваторов и либералов в отношении цели и задач колонизационной деятельности на восточных окраинах империи в полной мере проявились в результатах работы ученых-экспедиционистов. Именно в системе координат функционирования ЗСО ИРГО были предприняты в этот период первые попытки выявления хозяйственно-экономического статуса и колонизационного потенциала сословий Западной Сибири и Степного края: представителей коренного населения, казачества и крестьян-переселенцев

из Европейской России. При этом отмеченная задача должна была, по убеждению власти, решаться в рамках концепции «русского дела». Однако на практике имперские эксперты не предлагали однозначного ответа на поставленные вопросы.

Так, чиновником особых поручений Н.Н. Балакшиным, в 1878 г. командированным в Степной край и выполнявшим «политический заказ» генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова, при оценке будущего номадических общин региона была высказана мысль о сомнительности верноподданнических чувств кочевников, а также обоснована идея о необходимости водворения в киргизских степях русского земледельческого населения, что способствовало бы развитию начал гражданственности среди кочевников [8].

Напротив, Н.М. Ядринцевым по результатам экспедиций была разработана и опубликована в 1880 г. программа исследования инородцев Западной Сибири [6], в которой были обозначены основные параметры и направления в изучении различных аспектов колонизации Сибири, в том числе в связи с вопросом о соотношении имперских практик освоения степных областей региона с уровнем коммуникативной восприимчивости и адаптивного потенциала коренных народов.

В.А. Остафьев, будучи сторонником либеральной концепции «взросления киргизского населения» вследствие культурного «вторжения» русского крестьянского элемента, связывал перспективы освоения края с его районированием, а также с четким определением тех ареалов, где возможно внедрение земледельческих практик. Все это, с точки зрения В.В. Остафьева, могло быть достигнуто в процессе изучения края, но не с «тарантаса», а посредством привлечения широкой общественности и специалистов [9, с. 60].

Столь же неоднозначно оценивалась имперскими экспертами и роль отдельных социальных групп в аграрной колонизации региона. Так, Н.Г. Путинцев безапелляционно настаивал на решающей роли казаков в Зауралье: «История признала за казаками честь завоевания Сибири и дальнейшего ее постепенного занятия от Урала до Камчатки и от Тобола к югу, вглубь Джунгарии и киргиз-кайсацких степей», именно Сибирское казачье линейное войско сыграло «столь видную роль на нашем наступательном движении на юг по Иртышу и вглубь Киргизских степей и среднеазиатских независимых ханств» [10, с. 12]. Г.Н. Потанин, напротив, полагал, что казак – «ловкий торговец, кулак и плохой работник», а «...прежняя постоянная военная служба на постоянном содержании от правительства приучила сибирских казаков к беззаботности об удовлетворении своих жизненных потребностей собственными силами...» (цит. по: [11, с. 64]).

С конца 1880-х – начала 1890-х гг. отчетливо наметился и главный предмет расхождений во взглядах «охранителей» и либералов относительно колонизационных задач и практик. ЗСО ИРГО, в кабинетной и экспедиционной работе которого заметное место

всегда занимали областники (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, П.М. Головачев и др.), предельно ясно формулировал свое отношение к перспективам освоения восточных окраин страны и определению места Сибири и степных областей в общеимперском пространстве. Выражая свое мнение о роли железной дороги, Н.М. Ядринцев утверждал, что ее постройка приведет к ликвидации богатств края. На страницах главного областнического издания, газеты «Восточное обозрение», Н.М. Ядринцев писал: «Если железные дороги покрыли сетью Европу и окупают себя, то выгоды “стальной сети” в Европейской России не везде оправдались и во многих местах сомнительны. Весьма важно определить культурную границу этой стальной сети в данную минуту, сообразно культурному уровню и промышленному развитию каждой страны» (цит. по: [12, с. 6]).

Резкие высказывания областников о грабительских для региона последствиях строительства Сибирской железной дороги актуализировали полемику о статусе восточной окраины. В областническом дискурсе центральное место всегда занимало понятие «колония» как определение основной сибирской ипостаси. В противовес областникам деятели правого спектра и имперские власти сознательно избегали термина «колония», поскольку восточные окраины империи воспринимались империей как естественное продолжение территорий метрополии, и эти окраины лишь должны быть «оцентрированы». В таком контексте строительство магистрали становилось способом инкорпорации Сибири в «общегосударственное тело», со всеми негативными последствиями (ресурсная эксплуатация, абсолютная зависимость региона от центра).

Главным «внутренним» аргументом, которым руководствовались власти в переформатировании практик колонизационного дела в Западной Сибири и Степном крае, становилось убеждение, сообразно с которым эксперты ЗСО ИРГО – учреждения, слабо контролируемого центром, переставали быть имперскими. По замечанию А.В. Филимонова, государство остро нуждалось в разветвленной сети ответственных представителей на окраинах [13, с. 156]. Добавим, что, по мнению властей, новая генерация имперских экспертов должна была четко осознавать важность именно государственных задач в сфере колонизации. С этой целью создавались и специальные учреждения, которые, с точки зрения имперских властей, призваны были стать аналогами европейских колониальных министерств [14].

Знаковым учреждением, унаследовавшим функции ранее существовавшего Министерства государственных имуществ, осуществлявшего надзор за всеми видами собственности в империи и освоением окраин, стало Переселенческое управление, организованное при МВД в 1896 г. Показательно, что главными действующими лицами этого учреждения являлись лица технократического склада, понимавшие свою функцию как исполнительскую и осознававшие колониальный вектор своей деятельности.

Следует сказать, что представители нового поколения имперских экспертов, несмотря на различия в происхождении и политических взглядах, самым фактом создания протоколониального министерства были поставлены в условия совместной, подчиненной решению общей цели работы. В 1890-е гг. имперские власти окончательно утвердились во мнении, что только та земля является русской, где прошел плуг ее пахаря. Во многом поэтому экспедиционная деятельность имперских экспертов теперь стала направляться на реализацию собственно колониальных задач, что предопределило и соответствующий уровень их подготовки. Так, землемеры и специалисты по ирригации Переселенческого управления ездили в ознакомительные поездки в Австралию и Америку. В разработке вариантов решения переселенческих вопросов А.Н. Куломзин, приобретший богатый опыт имперского эксперта, служа в Государственной канцелярии, Министерстве государственных имуществ, департаменте госэкономии Госсовета и Комитете министров, опирался на обширный опыт развития фермерских хозяйств в Америке, но в первую очередь на прусские достижения в «германизации польских провинций» [15, с. 225]. Часть экспертов (А.А. Кауфман, Ф.А. Щербина, А.А. Половцов и др.), регулярно курсировали по империи, выполняя поручения Переселенческого управления на контрактной основе [14, с. 130].

К основным задачам экспертов относился теперь не столько сбор сведений о природно-географических и этнографических условиях региона, сколько получение материалов, касавшихся колонизационной емкости сибирских и степных областей, возможностей распространения там русской оседлости, сбор статистических сведений о крестьянских миграциях и общая аккомодация свидетельств, красноречиво говоривших об успехах переселенческого дела.

Наступало время активных действий, когда экспертиза территорий, заполнявшихся переселенцами, требовала реальных результатов и принятия прагматических решений в русле общеимперского курса колонизации. В начальный период строительства железной дороги, призванной «оцентрировать» Сибирь, и организации Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД), перед которым помимо непосредственных проблем магистрального строительства ставились стратегические задачи освоения отдаленных окраин, при земском отделе Министерства внутренних дел были учреждены должности чиновников особых поручений для командирования их в сибирские губернии и степные области. В результате происходил прилив свежих сил в дело организации переселений на местах (А.А. Станкевич, П.П. Архипов, К.В. Берг, П.П. Мурзин и др.). Показательно и то, что включение в переселенческое дело нового поколения имперских экспертов пришлось на 1880-е – начало 1890-х гг. – эпоху спада революционной активности интеллигенции и популярности так называемой «теории малых дел», к числу которых, несомненно, относились и экспедиционно-экспертные практики.

Симптоматично, что путешествия имперских экспертов по долгу службы призваны были «вписать» практики организации переселенческого дела в общий контекст имперских представлений о задачах колонизации как важном элементе обеспечения безопасности империи. А.Н. Куломзин, занимая одновременно посты управляющего делами Комитета министров и Комитета Сибирской железной дороги, в 1896 и 1897 гг. (в ходе поездок в Сибирь) резюмировал необходимость распространения за Уралом частного дворянского землевладения: «Между тем, целое множество примеров из прошлого колонизационной политики и в том числе неудачная попытка в 1840-х гг. даровой раздачи казенных земель малоимущим дворянам указывает, насколько непригодными для колонизационных целей элементом являются малообеспеченные классы населения, не обладающие достаточными средствами для обработки земли. При насаждении в Сибири частного землевладения нужно стремиться к привлечению такого контингента лиц, который соединял бы знания улучшенных способов ведения сельского хозяйства и необходимый оборотный капитал. В Сибири не имеется вовсе образованных людей, крепких к земле в силу тесной связи с ней их личных материальных интересов. Класс интеллигентных землевладельцев, преимущественно из дворян, явится тем консервативным элементом, который всюду служит для государственной власти опорой для поддержания равновесия среди постепенно нарождающихся прогрессивных, но не всегда имеющих под собой твердую почву веяний»¹. Подобный проект абсолютно соответствовал политике «русского дела» на западных окраинах империи, и, соответственно, в качестве эксперимента мог быть апробирован в Западной Сибири.

Сервильность «новых» имперских экспертов, их готовность к выполнению правительственных поручений, вкупе с горизонтальной и вертикальной мобильностью, являлись профессиональными признаками группы, кардинально отличавшейся от своих предшественников – экспедиционистов ЗСО ИРГО. Более того, имперский эксперт, облеченный широкими полномочиями, становился не просто исследователем, но полномочным представителем империи в главных районах колонизации.

В этом смысле показательны некоторые сюжеты биографии одного из таких имперских экспертов – Андрея Афанасьевича Станкевича. В январе 1892 г. молодой чиновник в качестве первой самостоятельной должности получил назначение в особый комитет под началом действительного статского советника Чайковского. Комитет был создан для оказания помощи населению Тобольской губернии, пострадавшей от неурожая 1891–1892 гг. В комитете Станкевич проработал до сентября того же года, когда его направили на работу в земский отдел Министерства внутренних дел на должность младшего помощника делопроизво-

дителя. Дальнейшая жизнь чиновника была тесно связана с Переселенческим управлением МВД, от которого в 1903 г. он был командирован на Кавказ с целью организации там переселенческого дела. С Кавказа, в декабре 1904 г. Станкевича перевели управляющим канцелярией Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора – по сути, с одной окраины на другую, где А.А. Станкевич занимался вопросами культуры, образования и землеустройства этих территорий, а в апреле 1905 г. был назначен почетным мировым судьей Виленского уезда.

Очевидно, что профессиональная деятельность имперских экспертов, проводивших большую часть жизни в путешествиях по бескрайним просторам государства, в обмен на исполнение сложных правительственных поручений получала гласную и негласную поддержку властей. Управляющий делами МВД Н.Н. Дурново, обращаясь к вышестоящему начальству по поводу командировки в Тобольскую губернию коллежского секретаря П.П. Архипова, особо подчеркивал, что «путевые пособия и суточное содержание командированного не отвечают важности возложенного на него поручения и количеству предстоящего ему труда. Я считал бы справедливым пособия эти назначить в усиленном размере, а именно, на подъем – 450 рублей, и суточные деньги по расчету из оклада 2000 рублей в год»². О масштабах и значимости возложенных на чиновников особых поручений обязанностей можно судить по предписанию того же Н.Н. Дурново о направлении в Сибирь и Степные области А.А. Половцова, которому предписывалось, кроме исполнения означенного поручения (изучение переселенческого дела), ознакомиться с ходом переселений в Туркестанском крае и Закаспийской области³.

Таким образом, в формировании официальных представлений и выстраивании практик колонизации восточных окраин знаменательную роль играли имперские эксперты. Первоначально категория лиц, мобилизованных для сбора общих сведений о различных районах Сибири и Степного края, группировалась при отделах ИРГО. Вовлечение экспертов в экспедиционную деятельность, реализуемую в путешествиях по районам, входящим в ареал русской колонизации, способствовало накоплению и тиражированию материалов о природных условиях региона, а также уточнению этнографической карты сибирских и степных территорий. Вместе с тем, экспедиционная и издательская работа экспертов отдела, прежде всего ЗСО ИРГО, в понимании имперской власти, не соответствовала в полной мере масштабам и содержанию задач империостроительства на окраинах. Активизация переселенческого движения из российских губерний в 1880–1890-е гг., способствовала реанимации национал-консервативных идей осуществления политики «русского дела» и поиску надежных механизмов ее реализации на восточных окраинах. С появлением

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА), Ф. 391. Оп. 2. Д. 319. Л.41 об.; Оп.1. Д.388. Л.42.

² Там же. Д. 12. Л. 12–12 об.

³ Там же. Л. 31–31 об.

учреждений, претендующих на статус колониальных министерств (КСЖД, Переселенческое управление), возникла потребность в переформатировании института имперских экспертов. Принимались новые критерии, определявшие круг обязанностей и меру ответственности данной группы лиц, к числу которых можно отнести четкое следование предписаниям командирующих учреждений, сервильность, мобильность и стремление результаты своей экспедиционной деятельности соотносить с текущими задачами колонизации. Включаясь в общеимперский план колонизации с характерными для него принципами доминирования и принуждения в отношении колонизируемых территорий Западной Сибири и Степного края, эксперты получали неограниченный кредит доверия и финансовую поддержку. Результатами такой совместной работы на рубеже XIX–XX вв. стали постепенная дискредитация и исключение общественных сил России из колонизационного дела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толъц В. Российские востоковеды и общеевропейские тенденции в размышлениях об империях конца XIX – начала XX века // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*: сб. ст. / ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: НЛЮ, 2010. С. 266–308.
2. Чуркин М.К. Проблема роли природно-географического фактора в русской истории в оценках отечественной историографии и общественно-политической мысли второй половины XIX–XX в. // *Вестник Том. гос. ун-та*, 2005. № 289. С. 108–113.
3. Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения: в 3 т. М.: Изд-во полит. литературы, 1986. Т. 1. С. 313–411.
4. Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863 г. М.: Изд. С.П. Катковой, 1898.
5. Холквист П. Российская катастрофа (1914–1921 г.) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» // *Россия XXI*. М., 1998. № 11/12. С. 26–54.
6. Ядринцев Н.М. Программа исследования инородцев Западной Сибири. Вып. 1880 г. 16 с. Отд. изд.
7. Семенов В.Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества // *Записки ЗСО ИРГО. Юбилейный*. Омск, 1927. Т. XXXIX. С. 1–78.
8. Балакишин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. МВД, 1887. 56 с.
9. Остафьев В.А. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // *Записки ЗСО ИРГО*. Омск, 1895. Кн. XXVIII. С. 1–62.
10. Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западно-сибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Омск: Тип. Окр. штаба, 1891. 274 с.
11. Краснов Н. Народонаселенность и территория казаков Европы и Азиатской России // *Военный сборник*. 1878. № 4. С. 35–69.
12. В-н Л. Прошлое и настоящее вопроса о Сибирской железной дороге // *Северный вестник*. 1892. № 10. С. 4–22.
13. Филимонов А.В. Роль чиновников особых поручений в реализации переселенческой политики на примере А.А. Станкевича // *Вестник Том. гос. ун-та*, 2016. № 407. С. 156–159.
14. Сандерленд В. Министерство Азиатской России: Никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917)*: сб. ст. / ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: НЛЮ, 2010. С. 105–150.
15. Канн С.К. А.Н. Куломзин о переселенческой политике Комитета Сибирской железной дороги // *Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века)*: сб. материалов Междунар. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2014. С. 218–233.

REFERENCES

1. Tolts V. Russian orientalists and pan-European tendencies in reflections on the empires of the late XIX – early XX centuries. *Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossiiskoy imperii (1700–1917)*. Moscow, 2010, pp. 266–308. (In Russ.)
2. Churkin M.K. The Problem of the natural and geographical factor role in Russian history: assessments of Russian historiography and socio-political thought in the second half of the XIX–XX centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005, no. 289, pp. 108–113. (In Russ.)
3. Engels F. The revolution and counter-revolution in Germany. Marks K., Engel's F. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, 1986, vol. 1, pp. 313–411. (In Russ.)
4. Katkov M.N. Editorials collection of the newspaper *Moskovskie Vedomosti*. 1863. Moscow, Izd. S. P. Katkovoy, 1898. (In Russ.)
5. Kholkvist P. The Russian catastrophe (1914–1921) in the European context: total mobilization and “population policy”. *Rossiia XXI*, 1998, no. 11/12, pp. 26–54. (In Russ.)
6. Yadrintsev N.M. The program to study indigenous peoples of West Siberia. Omsk, 1880, 16 p. (In Russ.)
7. Semyonov V.F. Essay on the fifty-year activity of the West Siberian Department of the Russian Geographical Society. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo Geograficheskogo obshchestva*, 1927, vol. 39, pp. 1–78. (In Russ.)
8. Balakshin N.N. About the Kirghizs and Muslims subjected in Russia. Saint Petersburg, Tip. MVD, 1887, 56 p. (In Russ.)
9. Ostaf'ev V.A. Colonizing steppe regions in relation to the problem of nomadic economy. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo Geograficheskogo obshchestva*, 1895, vol. 28, pp. 1–62. (In Russ.)
10. Putintsev N.G. A chronological list of events from the history of the Siberian Cossack Army from the moment of their resettlement on the territory they occupy now. Omsk, Tip. Okr. shtaba, 1891, 274 p. (In Russ.)
11. Krasnov N. Population and Cossacks territory in Europe and Asian Russia. *Voennyi sbornik*, 1878, no. 4, pp. 35–69. (In Russ.)
12. V-n L. The past and present of the Siberian railway issue. *Severnii vestnik*, 1892, no. 10, pp. 4–22. (In Russ.)
13. Filimonov A.V. The role of special assignment's officials in implementing the resettlement policy, a case of A. A. Stankevich. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 407, pp. 156–159. (In Russ.)
14. Sunderland V. The Ministry of Asian Russia: the colonial office that never existed but had every chance for it. *Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossiiskoi imperii (1700–1917)*. Moscow, 2010, pp. 105–150. (In Russ.)
15. Kann S.K. A. N. Kulomzin on the resettlement policy of the Siberian Railway Committee. *Soslovnye i sotsiokul'turnye transformatsii naseleniya Aziatskoi Rossii (XVII – nachalo XX veka): sb. materialov mezhdunar. nauch. konf.* Novosibirsk, 2014, pp. 218–233. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 04.03.2019